

А.Е. Пресняков

Образование Великорусского Государства

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.Е. Пресняков**
Образование Великорусского Государства / А.Е. Пресняков – М.: Книга по Требованию, 2021. – 463 с.

ISBN 978-5-458-27508-8

Докторская диссертация. А. Е. Пресняков исследовал процесс централизации в тесной связи со всем комплексом международных отношений Северо-Восточной Руси; процесс объединения русских земель с позиции внутренней истории не только Московского великого княжества, но и удельных Тверского, Рязанского и Нижегородского. Был противником резкого противопоставления истории Киевской и Владимиро-Суздальской Руси. Доказывал, что семейно-вотчинные разделы волостей-княжений во Владимиро-Суздальской Руси всегда были лишь продолжением семейно-вотчинных разделов Киевской Руси.

ISBN 978-5-458-27508-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНИЕ.

1. Исторіографическія замѣтки.

Въ 1904 г. М. С. Грушевскій выступилъ, по поводу предпринятаго Императорской Академіей Наукъ изданія «Славянской Энциклопедіи», съ рѣшительнымъ отрицаніемъ обычной схемы русской исторіи и сдѣлалъ попытку поставить по новому вопросъ о рациональномъ построеніи исторіи Восточнаго Славянства ¹⁾. Подъ «обычной схемой русской исторіи» М. С. Грушевскій разумѣетъ порядокъ изложенія, принятый въ «общихъ курсахъ» и учебникахъ русской исторіи отъ доисторическихъ судебъ восточной Европы и ея неславянскаго населенія, черезъ расселеніе славянъ, образованіе Кіевского государства и его исторію до второй половины XII вѣка, къ великому княжеству Владимірскому и къ исторіи Московскаго государства, и, далѣе, къ Россійской Имперіи XVIII и XIX вѣковъ. Въ такомъ изложеніи исторія русскаго юга и запада, земель украинско-русскихъ и бѣлорусскихъ, остается въ кругозорѣ, и лишь довольно вѣшне и случайно вовлекаются въ него отдѣльные ея моменты, какъ Галицкое государство Данила, образованіе великаго княжества Литовскаго и его унія съ Польшей, церковная унія, казацкія войны, дѣянія Хмельницкаго.

Съ точки зрѣнія своихъ этнографическихъ воззрѣній, М. С. Грушевскій полагаетъ, что задача «обычной» схемы — построить «обще-русскую исторію» невозможна по существу, такъ какъ нѣтъ никакой «общерусской народности», а на очереди — иная научная задача — построеніе, съ одной стороны, исторіи украинскаго народа ²⁾, а, съ другой, исторіи великорусской. Крайне нераціональнымъ представляется ему соединеніе въ одной схемѣ древней исторіи южно-русскихъ племенъ, т. е. Кіевского государства съ исторіей Владиміро-Московской Руси XII—XIV вв. Оно отрываетъ отъ южно-

¹⁾ «Звычайна схема русской исторіи и справа раціонального укладу исторіи Східнього Словянства», въ сборникъ «Статті по Славяновѣдѣнню», над. Вюргого оддѣленія Имп. Академіи Наукъ, вып. I, подъ ред. В. И. Ламанскаго. Сиб. 1904.

²⁾ Это М. С. Грушевскій блестяще выполнялъ въ своей обширной «Исторіи України-Руси» и въ «Очеркѣ исторіи Украинскаго народа».

русской исторіи ея начало, чтобы пристегнуть его къ сѣверному продолженію. А, между тѣмъ, «кіевскій періодъ» перешелъ не во владиміро-московскій, а въ галицко-волинскій XIII в., потомъ литовско-польскій XIV—XVI вв.

Сѣверо-восточная Русь не была, по мнѣнію М. С. Грушевскаго, «ни наслѣдницей, ни преемницей» Руси Кіевской, а «выросла на своемъ корню». Ихъ взаимоотношеніе М. С. Грушевскій готовъ уподобить отношеніямъ между римской имперіей и галльскими провинціями: «кіевское правительство пересаживало въ великорусскія земли формы соціально-политическаго строя, право, культуру, выработанныя исторической жизнью Кіева» — и только. Отсюда выводъ: «исторія великорусской народности остается, собственно, безъ начала; исторія образованія великорусской народности остается до сихъ поръ не выясненною, потому что за ея исторіей начинаютъ слѣдить съ середины XII вѣка»; не поставленной остается и проблема изученія «рецепціи и модификаціи на великорусской почвѣ кіевскихъ соціально-политическихъ формъ, права, культуры».

Многимъ изъ читателей великороссовъ точка зрѣнія М. С. Грушевскаго можетъ показаться парадоксальною, такъ какъ разрушаетъ она привычное представленіе о «единой» исторіи «единого» русскаго народа. Однако она вовсе не такъ исключительна, какъ можетъ на первый взглядъ показаться. Напротивъ, не будетъ преувеличеніемъ назвать ее, во многомъ, характерной и для нашей «великорусской» исторіографіи. Обусловленная у М. С. Грушевскаго потребностью отграниченія украинской исторіи, въ ея цѣломъ, отъ исторіи Великороссіи, она можетъ опереться на рядъ выводовъ и сужденій, принятыхъ и разработанныхъ въ трудахъ «общерусской» исторической литературы.

Поучительны исторіографическія судьбы критикуемой М. С. Грушевскимъ «обычной схемы» русской исторіи. Въ вопросѣ о ея генезисѣ М. С. Грушевскій примыкаетъ къ выводамъ П. Н. Милюкова: «схема эта стара, говоритъ онъ, она получила свое начало въ исторіографической схемѣ московскихъ книжниковъ, и въ основѣ ея лежитъ генеалогическая идея—генеалогія московской династіи».

П. Н. Милюкову принадлежитъ весьма цѣнное указаніе на эту «исторіографическую схему московскихъ книжниковъ» и ея опредѣляющее вліяніе на изложеніе русской исторіи у нашихъ историковъ XVIII и XIX столѣтій¹⁾. Вліяніе это усилено однимъ условіемъ, поистинѣ парадоксальнымъ, которое П. Н. Милюковъ жѣтко охарактеризовалъ въ такихъ строкахъ: «когда въ прошломъ столѣтіи русская исторіографія начала постепенно осиливать свои источники, — источники эти встрѣтили изслѣдователя со своимъ, готовымъ взглядомъ, сложившимся вѣками; не мудрено, что эта готовая нить, предлагавшаяся самими источниками, вела изслѣдователя по протореннымъ путямъ

¹⁾ „Главные теченія русской исторической мысли“, М. 1897 (3-е изд. 1913 г.).

и складывала для него исторические факты въ тѣ же ряды, въ какіе эти факты уложились въ свое время въ умахъ современниковъ; такимъ образомъ, изслѣдователь воображалъ дѣлать открытія, осмысливать исторію,—а, въ сущности, онъ шелъ на плечахъ нашихъ философовъ XV и XVI столѣтія»¹⁾. Два обстоятельства ослабили плодотворность этого наблюденія, П. Н. Милюковъ связалъ свое изученіе московской исторической теоріи только съ вопросомъ о «происхожденіи исторической схемы Карамзина и его предшественниковъ» и отмѣтилъ далеко не всѣ ея элементы, оказавшіе глубокое воздѣйствіе на представленія ученыхъ историковъ XIX вѣка о древне-русскомъ прошломъ. Трудъ П. Н. Милюкова остался, къ сожалѣнію, не законченнымъ, иначе мы получили бы отъ него, безъ сомнѣнія, болѣе полную оцѣнку воздѣйствія московской книжнической исторіографіи на труды не только историковъ XVIII в. и Карамзина, но и на построенія С. М. Соловьева съ его продолжателями.

Изъ элементовъ этого воздѣйствія, указанныхъ П. Н. Милюковымъ, наиболѣе существеннымъ и устойчивымъ оказалось установленіе «идеи тождества и наслѣдственной связи московской и кievской государственной власти», какъ «исторической аксіомы». «Аксіома» эта была использована московской властью во времена Ивана III и Василя Ивановича для обоснованія притязаній Москвы на все наслѣдіе князей Рюрикова рода: въ спорахъ съ литовскими великими князьями московская дипломатія ссылается отъ имени своихъ государей на то, что «вся русская земля, Божьею волею, изъ старины отъ нашихъ прародителей наша вотчина»—и Кіевъ, и Смоленскъ, и Полоцкъ, и Витебскъ, и «иные города». Выступая съ такими притязаніями, «московскіе дипломаты поставили русской политикѣ цѣли, которыя удалось осуществить только черезъ два съ половиною столѣтія». Вотъ въ этихъ то «политическихъ идеалахъ московскихъ дипломатовъ XV вѣка», въ ихъ стремленіи такъ широко опредѣлять «задачи будущаго», что подобная программа представляется—для ихъ времени—выходящей далеко за предѣлы достижимаго,—П. Н. Милюковъ видитъ самый источникъ воззрѣнія на «наслѣдственную связь» московской и кievской государственной власти. Не буду сейчасъ останавливаться на выясненіи, насколько корни этой «исторической аксіомы» московскихъ книжниковъ XV—XVI вв. глубже и старше, а самое ея «генеалогическое» освѣщеніе въ духѣ московскихъ вотчинно-династическихъ притязаній и ея примѣненіе въ дипломатической перепискѣ—лишь дальнѣйшее развитіе весьма старой традиціи.

Пока отиѣчу лишь тѣ исторіографическія построенія, которыя были вызваны въ нашей научной литературѣ потребностью наполнить «схему» реальнымъ историческимъ содержаніемъ, а посвящены были истолкованію періода,

¹⁾ Указ. соч., стр. 168 (3-е изд., стр. 177).

«промежуточного» между временами Киевской державы Владимира Мономаха и Мономашича Мстислава—и Московским государством Ивана III.

Историография XVIII в., завершенная трудом Карамзина, удовлетворялась, в этом отношении, осуждением практических последствий дробления власти, следуя и тут, как указано П. Н. Милюковым, рассуждениям грамоты Ивана III о вреде многовластия.

Первая наукообразная гипотеза, которая пыталась выяснить органическую связь сѣверно-русской истории съ кievскимъ прошлымъ—предложена М. П. Погодинымъ. Эта гипотеза отличалась большимъ формальнымъ достоинствомъ: она строила свое объясненіе соотношенія двухъ историческихъ моментовъ на глубокой основѣ этнографическаго единства переживавшей эти моменты среды—народной массы. Эта знаменитая «погодинская гипотеза» родилась подъ потрясающимъ впечатлѣніемъ отъ наблюденія лингвистовъ, что въ языкѣ письменныхъ памятниковъ Киевской Руси «не было ничего малороссійскаго нынѣшняго». Присоединивъ къ этому наблюденію соображенія о томъ, что былины кievскаго цикла «поются у насъ вездѣ—въ Архангельскѣ и Владимірѣ, Костромѣ и Сибири», но не въ Малороссіи, Погодинъ пришелъ къ выводу, что въ Кіевѣ издревле жило «великороссійское племя», по крайней мѣрѣ, что «великороссіянами» были Поляне—населеніе «Кіева съ окрестностями», а затѣмъ эти «великороссіяне»—«съ Юрьемъ Долгорукимъ, Андреемъ Боголюбскимъ, переселились на сѣверъ, въ землю Суздальскую»: сюда «ушло» и здѣсь «размножилось собственно великороссійское племя»¹⁾.

¹⁾ Погодинъ набросалъ свои мысли и впечатлѣнія въ формѣ письма къ И. И. Срезневскому, которое появилось въ V т. «Извѣстій» Академіи Наукъ (1856 г.) и въ VII т. «Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій о русской исторіи» (стр. 410—442). Дальѣйшая разработка исторіи русскаго языка и народной поэзіи выяснила необходимость гипотезы о массовомъ переселеніи «кievскихъ великороссовъ» для объясненія тѣхъ явленій, которыя натолкнули на нее Погодина. Но гипотеза направлена на установленіе крупнѣйшаго историческаго факта, которое, однако, не опиралось ни на какія собственно историческія данныя. Погодинъ оперировалъ наивной филологіей отождествляя церковно-славянскій языкъ съ древне-русскимъ, и настаивалъ на запускѣ кievскаго юга. Вокругъ послѣдняго вопроса и завязалась продолжительная полемика. Библиографію всего вопроса см. у М. С. Грушевскаго въ I т. «Исторіи України-Руси», примѣтка 6, и у А. Н. Пыпина въ «Исторіи Русской Этнографіи» т. III. А. А. Спицынъ посвятилъ «теоріи массоваго переселенія придиѣпровской Руси на сѣверъ» часть своихъ «Историко-филологическихъ разысканій» («Журналъ М-ства Народнаго Просвѣщенія», 1909 г., кн. I), гдѣ выясняетъ рядомъ краткихъ и мѣткихъ замѣчаній поразительную слабость обоснованія этой теоріи, которая продолжаетъ сильно вліять на ходячія представленія нашей исторической литературы. А. А. Спицынъ отвергаетъ всѣ основныя предпосылки этой теоріи: мѣтивъ о томъ, что «въ X—XI столѣтіяхъ русское населеніе придиѣпровья было значительнымъ», что «къ половинѣ XII вѣка придиѣпровье сильно запустѣло», что переселеніе изъ кievской области направлялось, главнымъ образомъ, на сѣверъ и лишь отчасти на западъ», замѣчая,

Погодинская гипотеза, разъ принятая, была чревата глубокими послѣдствіями для всего хода историческихъ изученій. Она давала возможность широко пользоваться данными, которые извлечены изъ наблюдений надъ исторической жизнью русскаго сѣверо-востока въ позднѣйшія времена, въ XV и XVI вв., для объясненія явленій древне-русской, кievской жизни. Такова, напริมѣръ, «попытка Погодина уяснить родовые княжескіе счеты счетами мѣстными» ¹⁾, которая получила столь крупное значеніе въ построеніяхъ С. М. Соловьева, Н. Е. Забѣлина, В. О. Ключевского.

Погодинскому домыслу о массовомъ переселенческомъ движеніи населенія съ кievскаго юга на сѣверо-востокъ, какъ основной причинѣ усиленія Ростовско-Суздальской земли при Юріи Долгорукомъ и Андрѣе Боголюбскомъ, чрезвычайно посчастливилось въ нашей исторіографіи. Домыселъ этотъ остался въ ней прочной предпосылкой въ изложенія сѣверно-русской исторіи, давая вѣдѣшне-удобный переходъ отъ «кievскаго» періода къ «владимірскому».

Однако, дальнѣйшая разработка исторіи сѣверо-восточной Руси направилась на выясненіе не связи ея съ прежней, кievской, а противоположности между ними. Съ «переходомъ» на новую территорію, въ новыхъ географическихъ и этнографическихъ условіяхъ русская исторія начинается какъ бы сызнова. Такая особенность нашихъ историческихъ представленій объясняется общепринятымъ сужденіемъ о сѣверо-восточной Руси XII в., какъ о странѣ «суровой и почти дикой», ²⁾ гдѣ на «почвѣ новой, дѣвственной» возникъ новый строй отношеній съ тѣхъ поръ, какъ Андрей Боголюбскій оборвалъ традицію связи старѣйшинства въ землѣ русской («великаго княженія») съ золотымъ столомъ кievскимъ; «сѣверъ начиналъ свою историческую жизнь этимъ шагомъ князя своего къ новому порядку вещей» ³⁾. Соловьевъ представлялъ себѣ сѣверо-восточную Русь обширной областью, гдѣ «возвышался

по поводу послѣдняго мнѣнія, что „возможность передвиженія приднепровскаго населенія на далекій сѣверъ совершенно недопустима“. А. А. Спицынъ указываетъ противъ ссылки на „южнорусскія“ названія населенныхъ мѣстъ, какъ на слѣдъ южнорусской колонизаціи сѣвера, что „это названія правительственныя, княжескія, а не народныя“, а противъ „весьма изыщаво построеннаго“ В. О. Ключевскимъ представленія о томъ, какъ прокладывался „прямобазій“ путь съ юго-запада на сѣверо-востокъ, что „хронологія и исторія прямого пути изъ Чернигова на сѣверъ крайне не ясны и опираться на нихъ, какъ на доказательство чего бы то ни было, совершенно невозможно“. Вся эта теорія переселенія съ юга на сѣверо-востокъ, дѣйствительно, никѣмъ не обосновывалась исторически, конечно, потому, что наши источники не даютъ никакихъ данныхъ для ея обоснованія. А ея исходныя положенія, взятые изъ исторіи русскаго языка и былинной поэзіи, должны считаться упраздненными послѣ трудовъ А. А. Шахматова и В. Ф. Миллера.

¹⁾ С. М. Соловьевъ, Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома, М. 1847, стр. 26.

²⁾ С. М. Соловьевъ, Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ М. 1846, стр. 17.

³⁾ С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. I, столб. 494 (изд. „Общ. Пользы“).

только одинъ городъ, упоминаемый лѣтописцемъ еще до прихода Варяговъ», — Ростовъ Великій, по которому и вся область получила названіе земли Ростовской. При Ярославѣ Владиміровичѣ Ростовъ причисленъ къ области южнаго Переяславля, какъ владѣніе Всеволода Ярославича. А далѣе: «скоро начали возникать около него города новые: сынъ Мономаха, Юрій, особенно прославилъ себя, какъ строитель неутомимый; такимъ образомъ Ростовская область наполнилась городами младшими, среди которыхъ возвышался одинокій Ростовъ». «Младшіе» города — «построены и населены князьями: получивъ отъ князя свое бытіе, они необходимо считали себя его собственностью ¹⁾». Въ этомъ характерѣ сѣвернорусскихъ «младшихъ» городовъ Соловьевъ видѣлъ основное условіе развитія «новаго порядка», который онъ не считалъ возможнымъ называть «удѣльнымъ», по той причинѣ, что видѣлъ Русь, раздѣленную не на «удѣлы», а на нѣсколько независимыхъ княжествъ, изъ которыхъ каждое имѣло своего великаго князя и своихъ удѣльныхъ князей ²⁾; онъ и считалъ нужнымъ «исключать названія: удѣльный періодъ, удѣльная система изъ исторіи княжескихъ отношеній». Замѣчанія эти не получили, однако, признанія, такъ какъ и самъ Соловьевъ существенной чертой «новаго порядка», возникшаго на сѣверѣ, считалъ именно развитіе той формы княжескаго владѣнія, которое называлъ «удѣльнымъ». «Новые» города «по своему происхожденію, смотрѣли на князя, какъ на господина полновластнаго, и князь смотрѣлъ на нихъ, какъ на собственность неотъемлемую»; здѣсь утвердилось понятіе собственности, неотъемлемости, отдѣльности владѣнія, переходящаго изъ рода въ родъ по волѣ князя-владѣльца; здѣсь «собственность господствуетъ надъ родовыми отношеніями, каждый князь смотритъ на себя какъ на отдѣльнаго владѣльца извѣстной области, а не какъ уже на члена извѣстнаго рода, извѣстной линіи» ³⁾. Это владѣніе, уже не стѣсненное ограниченіями родового или семейнаго права, развѣвшееся «когда понятія собственности, наследственности владѣнія начали господствовать надъ понятіями семейными» ⁴⁾, Соловьевъ называетъ удѣльнымъ, отождествляя удѣлъ съ «опричной»: «опричина употребляется иногда въ смыслѣ удѣла, который принадлежитъ князю въ полную отдѣльную собственность» ⁵⁾. Удѣлъ — собственность князя,

¹⁾ «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ», стр. 17.

²⁾ «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома», стр. VI: «Отношенія между великими князьями играютъ столь же важную роль, какъ и отношенія великихъ князей къ ихъ удѣльнымъ; слѣд. названіе удѣльнаго періода и удѣльной системы и здѣсь также (какъ и по отношенію къ Киевской Руси) не вѣрно, потому что не обнимаетъ всѣхъ сторонъ княжескихъ отношеній».

³⁾ «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ», стр. 19—20.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 21.

⁵⁾ «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома», стр. 331, пр. 3. Говорю «отождествляетъ», такъ какъ, по Соловьеву, всякій удѣлъ есть полная, отдѣльная собственность.

которую онъ можетъ «располагать произвольно», въ частности—по завѣщанію. Несмотря на такой «удѣльный» характеръ княжого владѣнія, Соловьевъ не признаетъ особаго «удѣльнаго періода», такъ какъ видитъ въ паденіи родовыхъ отношеній процессъ постепеннаго торжества «отношеній государственныхъ». Какъ «отдѣльный владѣлецъ извѣстной области», князь стоитъ во главѣ своего особаго государства. Такъ по поводу съѣзда князей во Владиміръ въ 1296 году Соловьевъ замѣчаетъ: «этихъ съѣздовъ княжескихъ нельзя смѣшивать съ прежними съѣздами родственниковъ: теперь князья являлись не какъ братья, но какъ отдѣльные независимые владѣльцы» ¹⁾. Когда Русь распалась на двѣ части—юго-западную и сѣверо-восточную, а затѣмъ, въ сѣверной Руси, «Тверь и Москва стали великими княженіями, Рязань и Нижній-Новгородъ послѣдовали ихъ примѣру, явилось нѣсколько особыхъ родовъ княжескихъ, особыхъ государствъ, независимыхъ и враждебныхъ другъ другу»; при этомъ «родовыя отношенія князей между собою замѣнились отношеніями ихъ, какъ правителей къ своимъ подданнымъ, когда земля, область, городъ, привязали къ себѣ князя тѣсными узами собственности, сдѣлали его осѣдлымъ» ²⁾. Идетъ упорная борьба между этими независимыми владѣльцами: «каждое движеніе князя было опасно для всѣхъ, ибо каждое движеніе было посягательствомъ на чужую собственность». Но теперь на великорусскомъ сѣверѣ, эта борьба болѣе содержательна исторически, чѣмъ прежнія усобицы: «дѣло идетъ о томъ—быть государемъ всей Русской земли или слугою этого государя» ³⁾.

Соловьевская схема русской исторіи, съ одной стороны, узаконяла, по своему, представленіе о традиціонной магистралі русской исторіи, идущей изъ Кіева черезъ Владиміръ въ Москву. «Первоначальная сцена русской исторіи, знаменитая водная дорога изъ Варягъ въ Греки, въ концѣ XII вѣка оказалась неспособною развить изъ себя крѣпкія основы государственнаго быта. Жизненные силы, слѣдуя изначала опредѣленному направленію, отливаютъ отъ юго-запада къ сѣверо-востоку; народонаселеніе движется въ этомъ направленіи—и вмѣстѣ съ нимъ идетъ исторія». Конечно, отъ Соловьева не скрылось, что «исторія» не просто ушла съ юга, а и тамъ, по своему, продолжалась: «несправедливо, говорилъ онъ, въ научномъ отношеніи невѣрно и односторонне, упускать изъ виду юго-западную Русь послѣ отдѣленія ея отъ сѣверо-восточной, поверхностно только касаться событій ея исторіи, ея быта», но полагалъ, что «также несправедливо, также невѣрно исторію юго-западной Руси ставить на ряду съ исторіею сѣверо-

¹⁾ «Исторія отношеній между русскими князьями», стр. 286. В. И. Сергѣевичъ перенесъ именно это представленіе на съѣзды Кіевской Руси. «Древности Русскаго Права», т. II, стр. 242.

²⁾ «Объ отношеніяхъ Новгорода къ вел. князьямъ», стр. 21.

³⁾ «Исторія отношеній», стр. 287 и 291.

восточной» ¹⁾. Однако, благодаря именно Соловьеву, въ нашей историографіи укоренилось представленіе, что тотъ процессъ, который имъ осмыслялся какъ переходъ родовыхъ отношеній въ отношенія владѣльческія и государственныя, начавшійся на кievскомъ югѣ, разыгрался собственно въ Руси сѣверо-восточной. Выясненіе этого процесса получило одностороннее направленіе, такъ какъ онъ оказался въ зависимости отъ мѣстныхъ сѣвернорусскихъ условій—по существу, какъ особенность сѣвернорусской исторіи. Соловьевъ видѣлъ, что «тѣ же самыя понятія о собственности, о преемствѣ отъ отца къ сыну, о правѣ завѣщанія» развились и въ южной Руси въ эпоху разложенія стараго кievскаго государства, но не использовалъ этихъ наблюденій для своихъ историко-соціологическихъ обобщеній, потому что призналъ эти явленія южно-русской исторіи какимъ-то налетомъ иноземнаго вліянія, хотя и признавалъ значеніе «обстоятельствъ историческихъ» для нихъ «необходимаго утвержденія» ²⁾.

Такъ, съ другой стороны, Соловьевская схема скорѣе разрушала, чѣмъ углубляла представленіе объ органической исторической связи сѣвернорусской исторіи съ южной-кievской. Южно-русскія «родовыя» начала, перенесенныя на сѣверъ, попали въ условія, гдѣ имъ оставалось только болѣе или менѣе быстро погибать и разлагаться, по полному ихъ несоотвѣтствію отношеніямъ жизни на новинѣ заново колонизируемаго полудикаго края.

Схема эта обусловила особую постановку вопроса объ «образованіи Московскаго государства». Мысль историка, выясняющаго, какъ родовыя отношенія смѣнились государственными, спѣшитъ отъ Кіева къ Москвѣ. Для «исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» важно одно: смѣна принциповъ, на которыхъ строилось ея единство. Тамъ, въ кievскую эпоху—«связью между частями государства служило родовое отношеніе владѣльца каждой части къ владѣльцамъ другихъ частей и къ самому старшему изъ нихъ». Тутъ, на сѣверѣ, образуется Московское государство на развалинахъ стараго «родового» строя ³⁾. Весь смыслъ періода, промежуточнаго между исторіей Кievской державы и государства Ивана III, въ разложеніи родовыхъ связей и усиленіи Москвы.

Моментъ перелома—въ дѣятельности Андрея Боголюбскаго, который «пренебрегъ югомъ» и «началъ новый порядокъ вещей». Младшіе князья ясно понимаютъ, что онъ хочетъ перемѣнить прежнія родовыя отношенія на новыя, государственныя, хочетъ обращаться съ ними не какъ съ равно-

¹⁾ „Исторія Россіи“, кн. I, столб. 1343, 1116.

²⁾ „Тѣ же самыя понятія о собственности, о преемствѣ отъ отца къ сыну, о правѣ завѣщанія, которыя явились къ сѣверо-восточной Руси изнутри, развились изъ ея собственнаго организма, въ Галичѣ были занесены извнѣ, но привились и утвердились необходимо, въ слѣдствіе обстоятельствъ историческихъ“ („Исторія отн. между русскими князьями“, стр. 369).

³⁾ „Исторія Россіи“, кн. I, столб. 1341—1346.

правными родственниками, но какъ съ подручниками, простыми людьми; начинается продолжительная борьба, въ которой мало по малу младшіе должны признать новыя отношенія, должны подчиниться старшему, какъ подданные—государю». Задача историка выяснить, какъ образовались характеръ и взгляды Андрея—онъ потомецъ чуждаго южнымъ традиціямъ сѣвера,—а затѣмъ слѣдить за борьбой родовыхъ отношеній съ государственными, вплоть до ея завершенія въ XVI в. полнымъ торжествомъ этихъ послѣднихъ. Къ государственному властвованію стремился Андрей и по отношенію къ боярамъ: онъ, по Соловьеву, ясно поставилъ задачу стремленія не только къ единодержавію, но и къ самовластію, въ духѣ самодержавія XVI вѣка ¹⁾, и погибъ въ столкновеніи съ враждебными силами. Но «переходъ отъ значенія великаго князя, какъ старшаго въ родѣ, зависимаго отъ родичей, къ значенію государя»—осуществился, какъ скоро онъ получилъ «независимость отъ родичей» и «матеріальную силу». Первая создана развитіемъ тѣхъ самыхъ отношеній, которыя воспитали на сѣверѣ Андрея Боголюбскаго,—«господства владѣльческихъ отношеній съ презрѣніемъ родовыхъ счетовъ»; вторая—благоприятными условіями возвышенія Москвы. Положительной стороной историческаго процесса, пережитаго Сѣверной Русью въ XIV—XV вѣкахъ и осталось одно это «возвышеніе Москвы»; важнѣйшей задачей историка будетъ, поэтому, выясненіе его «причинъ».

Такъ Соловьевъ утвердилъ характерную для всей нашей исторіографіи подмѣну вопроса объ образованіи великорусскаго государства частнымъ вопросомъ о «причинахъ возвышенія Москвы», съ перечня которыхъ обычно и начинается у насъ исторія московскаго государства. Впрочемъ, самъ Соловьевъ не сдѣлалъ этого рокового шага, вѣрнѣе, ограничилъ его значеніе рядомъ широкихъ общихъ соображеній по поводу образованія русскаго государства. Онъ призналъ это явленіе—органическимъ, т. е. такимъ, гдѣ «государства, при самомъ рожденіи своемъ, вслѣдствіе племенныхъ и преимущественно географическихъ условій являются уже въ тѣхъ же почти границахъ, въ какихъ имъ предназначено дѣйствовать впослѣдствіи; потомъ наступаетъ для всѣхъ государствъ долгій, тяжкій, болѣзненный процессъ внутренняго возрастанія и укрѣпленія, въ началѣ котораго государства эти являются, обыкновенно, въ видимомъ раздѣленіи; потомъ это раздѣленіе мало-по-малу исчезаетъ, уступая мѣсто единству: государство образуется». При возникновеніи русскаго государства «страна была громадна, но пустыня; племена рѣдко разбросались на огромныхъ пространствахъ по рѣкамъ; новое государство, пользуясь этимъ удобствомъ водяныхъ путей во всѣхъ направленіяхъ, быстро обхватило племена, быстро намѣтило громад-

¹⁾ „Исторія Россіи“, кн. I, столб. 654—655 и 656 (полемика съ Кавелинымъ и Сергѣевичемъ).

ную для себя область; но эта область попрежнему оставалась пустынною даннаго, кромѣ почвы, большею частию не было ничего,—нужно было все населить, все устроить, все создать». Насталъ «долгій, тяжкій, болѣзненный періодъ внутренняго возрастанія, окрѣпленія». Этотъ періодъ «началъ проходить для Руси», когда «образовалось крѣпкое государственное средоточіе»: сѣверо-восточная Русь собирается около Москвы. Такъ намѣчены въ отвлеченной формулѣ широкія задачи изслѣдованія, которыя могли бы наполнить ее конкретнымъ историческимъ содержаніемъ: на тему о «внутреннемъ возрастаніи и укрѣпленіи», его факторахъ и условіяхъ, о ходѣ процесса, который привелъ къ образованію обширнаго и внутренне сплоченнаго русскаго государства. Важно, кажется, отмѣтить, что Соловьевъ ставилъ эту задачу, хотя, на дѣлѣ, выдвинулъ на первый планъ, при изученіи собиранія сѣверо-восточной Руси въ одно цѣлое, вопросъ о «причинахъ, почему оно собирается вокругъ Москвы», о «препятствіяхъ» и «пособіяхъ», какія встрѣтились московскимъ князьямъ въ ихъ стремленіи усилиться, подчинить себѣ остальныхъ князей, отбить Татаръ и Литву, увеличить свою власть надъ населеніемъ ¹⁾.

То, что Соловьевъ далъ въ конкретномъ историческомъ изложеніи, было уже его замысловъ. Въ этомъ можно усмотрѣть одну изъ основныхъ причинъ, почему и у критиковъ его и у его продолжателей образованіе московскаго государства оказалось явленіемъ, подходящимъ не подъ тотъ «видъ» образованія государствъ, подъ который онъ самъ его подводилъ, а подъ одну изъ намѣченныхъ имъ разновидностей «образованія неорганическаго», когда государства «составляются нарастаніемъ извнѣ, внѣшнимъ присоединеніемъ частей».

Еще въ 1834 году появилась въ «Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета» ²⁾ статья Н. В. Станкевича: «О причинахъ постепеннаго возвышенія Москвы до смерти Іоанна III»; студенческая работа Станкевича разсматривалась позднѣе (Вешняковъ, Полежаевъ) какъ изложеніе мѣтвой проф. Каченовскаго. Ссылаясь на Геерена и Гизо, Станкевичъ беретъ исходнымъ положеніемъ изслѣдованія значеніе централизаціи, т. е. «совокупленія въ одно неразрывное цѣлое», какъ «перваго момента политической значительности народа», и «преобладанія одного города, одной области, одного владѣтеля надъ другими», какъ «перваго условія внутренняго соединенія, централизаціи». Отсюда важность «постепеннаго возвышенія Москвы», съ которымъ «тѣсно и неразрывно соединенъ ходъ Россіи къ политическому существованію». Работа Станкевича намѣтила осто́въ обычныхъ перечней «причинъ» возвышенія Москвы. Москва, «по всей вѣроятности, существованіемъ своимъ одолжена югу, какъ и всѣ города, ее окружающіе»; это послѣднее уже Станкевичъ

¹⁾ «Исторія Россіи», кн. I, столб. 1341—1346.

²⁾ Часть пятая.